

УДК: 94(489)

DOI: 10.25629/НС.2024.01.09

ДВОЙНОЕ ИМЕНОВАНИЕ КНУТ – МАГНУС В ДАТСКОЙ ДИНАСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Честа С.О.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Аннотация

В статье анализируется один из аспектов традиции имянаречения в средневековой Скандинавии, а именно – особая функция двуименности в датской династической традиции: способность обладателя родового имени Кнут и христианского имени Магнус апеллировать к образу древнего предка, Кнута Могучего (1015-1035), именуемого источниками XII-XIII вв. Kanutus Magnus, для легитимации власти. Приводится материал, ранее не задействованный при рассмотрении данной проблемы: фрагмент всемирной хроники Радульфа Черного (ок. 1199), в котором датский герцог, Кнут Лавард (1115-1131), назван Магнусом и который можно трактовать как важнейшее свидетельство бытования обозначенного типа двуименности. Текстологический анализ показал тесную связь имени Магнус с образом Кнута Могучего в представлении авторов XII-XIII вв., что позволило выдвинуть гипотезу о неявном отражении данного типа двуименности в «Деяниях датчан» Саксона Грамматика (ок. 1208/1216). Показано, что в Дании конца XII в. имя Магнус могло восприниматься как второе имя Кнута Могучего, а воображение Саксона Грамматика могло «наделить» им потомков этого короля.

Ключевые слова

Кнут Могучий, Кнут Лавард, имянаречение, легитимация власти, Саксон Грамматик, Деяния датчан, средневековая Дания.

Введение

В данной статье мы хотели бы затронуть чрезвычайно важную для понимания политической культуры средневековой Скандинавии проблему, а именно проблему бытования имени Магнус в именословах скандинавских королевских династий [2, с. 144-155]; [5]. *(Первым носителем имени Магнус в Скандинавии стал незаконнорожденный сын норвежского короля Олава Святого (ум. 1030) Магнус Добрый (1035-1047). Согласно «Кругу Земному» (XIII в.), мальчик был назван в честь Карла Великого (Carolus Magnus), получив, таким образом, в качестве имени приименный эпитет, воспринятый как второе имя франкского короля. Чрезвычайно успешное правление Магнуса, управлявшего Норвегией и Данией, превратило его имя в средство десигнации, впоследствии использовавшееся в этих странах. Так, датский король Свен Эстридсен (1047-1076) взял себе имя Магнус, вероятнее всего, в честь Магнуса Доброго. – С. Ч.)* При этом речь пойдет только об одной весьма специфической функции данного имени в датской традиции, которую оно приобретало в связке с другим. По всей видимости, отпрыск короля, нареченный одновременно именами Кнут и Магнус, обладал способностью символически уподобляться его древнему предку, правителю Англии, Дании и Норвегии, Кнуту Могучему (1015-1035), фигурирующему в источниках второй половины – конца XII в. как *Kanutus Magnus* [5, с. 54-55]. Это уподобление маркировало нареченного таким образом в качестве наиболее вероятного наследника своего отца, освещало его правление авторитетом древности и служило легитимации власти. Данную особенность впервые выявил Ф. Б. Успенский, по-

дробно проанализировав казус одного из побочных сыновей датского короля Свена Эстридсена. Мальчик по имени Магнус был отправлен отцом в Рим для совершения над ним обряда посвящения на царство. При этом полученное ребенком имя, заимствованное из Норвегии, где оно тогда начало использоваться как средство выделить внебрачного сына короля в качестве наследника престола, вместе с тем было вторым именем самого Свена Эстридсена, принятым с целью подчеркнуть полноправность его правления в Дании и обозначить притязания на власть над Норвегией [5, с. 52-53]. И посвящение на царство, и выбор особого имени показывают, что мальчик был предопределен к правлению, а само имя Магнус выполняло функцию десигнации. Однако, возможно, что благодаря распространенной в датской королевской династии традиции двуименности ребенок носил сразу два имени: христианское – Магнус и родовое – Кнут. Ф. Б. Успенский отмечает, что сочетание личных имен Кнут и Магнус учитывало возможность семантической игры, возникающей из-за совпадения имени (Магнус) и приименного эпитета (*magnus*) т. е. великий/могучий), создавая символическую связь между носителем такого двойного имени и собственно Кнутом Могучим [5, с. 54-55, 110, прим. 81-82]. Проблема заключается в том, что Кнутом упомянутый выше сын Свена Эстридсена поименован только в «Саге о Кнютлингах», составленной в середине XIII в., в то время как о другом его имени сообщается в произведении Адама Бременского «Деяния архиепископов Гамбургской церкви» (вторая половина-конец XI в.). Разрыв почти в два века между сообщением о поездке Магнуса в Рим и временем записи «Саги о Кнютлингах» заставляет сомневаться в аутентичности свидетельства последней, а отсутствие известных современной науке примеров подобного рода двуименности в датском династическом именовании лишь усиливает подозрения. Разрешение данной загадки имеет огромное значение не только в контексте изучения скандинавских моделей имянаречения и механизмов десигнации, но и принципиально для исследований в рамках такой дисциплины как потестарная имагология [1, с. 5-37], поскольку призвано определить место образа Кнута Могучего в политической и исторической культуре средневековой Дании. Один из способов легитимации власти в Скандинавии того периода, базировавшийся на общности имен правителей-представителей одного рода, зачастую деда и внука, предполагал описание потомка в качестве своеобразного воплощения предка. Если гипотеза о бытовании рассматриваемого типа двуименности верна, то это означает, что образ Кнута Могучего играл в Дании роль во многом схожую с образом Олава Святого в норвежской традиции [5, с. 36], – средоточия легитимности, конечной инстанции, апелляция к которой удостоверяет законность правления.

Прежде чем задаться вопросом, существовала ли в действительности данная особенная функция имянаречения, нужно принять во внимание, что здесь переплетаются три совершенно разных проблемы:

1. Существует ли связь между именем Магнус и образом Кнута Могучего?
2. Может ли традиция двуименности использоваться для установления сходства нареченного с Кнутом Могучим?
3. Является ли сочетание имен Кнут и Магнус вместе с апелляцией к образу Кнута Могучего самостоятельным инструментом десигнации?

Получить ответы на эти вопросы возможно, если отвлечься от казуса Кнута-Магнуса Свенсена и попытаться найти более поздние следы существования предполагаемой традиции. Именование Кнута Могучего Магнусом встречается, как уже было сказано выше, в источниках начиная со второй половины XII в., поэтому логично было бы начать с рассмотрения именно этих сравнительно поздних свидетельств.

Имя Магнус и образ Кнута Могучего в историописании

Особая связь имени Магнус с образом Кнута Могучего прослеживается по крайней мере в четырех источниках. Наиболее непосредственно она выражена в «Генеалогии датских королей» аббата Вильгельма (XII в.), рассказ которой о Кнута Могучем начинается словами: «Iste Kanutus, cognomento Magnus...» [17, s. 178]. Ниже о Свене Эстридсене сказано «Iste Sveno,

cognomento Magnus...» [17, s. 178]. Здесь интересно отметить следующее. Во-первых, с точки зрения логики нарратива, элемент Магнус в словосочетании Кнут Магнус невозможно рассматривать исключительно как приименный эпитет. Хотя различие имени и приименного эпитета имеет большое значение как исследовательский инструмент при анализе сюжетов об историческом Кнута Могушем, который, как известно, имел второе крестильное имя Ламберт (*На трактовке элемента Магнус как приименного эпитета настаивает Ф. Б. Успенский*. – С. Ч.) [5, с. 110, прим. 81], здесь мы имеем дело не с реальным историческим персонажем, а с его образом, сложившимся в историописании. Настоящее второе имя Кнута Могушего было или неизвестно или неактуально для составителей и аудитории текста. В противном случае, придется признать, что в рамках данного нарратива Магнус является приименным эпитетом и применительно к Свену Эстридсену. Ниже мы покажем, что, когда Кнут Могуший упоминается в источниках как Кнут Магнус, грань между именем и приименным эпитетом становится едва заметной. Во-вторых, в пространстве нарратива происходит инверсия: Свен Эстридсен, исторически первый обладатель имени Магнус в датской королевской династии, в «Генеалогии датских королей» получает это имя вслед за Кнутом Могушим. Действительная связь событий здесь нарушается, затемняя норвежское происхождение имени, и Кнут Могуший предстает первым и образцовым его носителем. В «Деяниях датчан» Саксона Грамматика (ок. 1208 или 1216) образ Кнута Могушего выполняет важную функцию, задавая модель поведения для другого знаменитого датского короля, Кнута IV Святого (1080-1086). Кнут Святой прямо соотносится со своим двоюродным дедом, Кнутом Могушим. Сходство между предком и потомком, выражающееся в общности имен и присущей обоим правителям воинской славе, должно каким-то образом помочь «младшему» Кнуту заполучить власть. Здесь Саксон именует Кнута Могушего Магнусом: «[Кнут Святой] укреплял [свое] юное тело, постоянно участвуя в войнах и стойко выдерживая непрерывные сражения; его военная слава стала настолько известна, что он казался воскресшей душой и судьбой Великого Кнута [т. е. Кнута Могушего – С. Ч.], обладая в то же время общим [с ним] именем; так, никто не сомневался, что он получит власть над королевством отца по наследству» («*Quin etiam iuvenile corpus continuo usu ad bella impigre conficienda armaque viriliter sustinenda firmabat, famaue eius bellica in tantum claritatis excessit, ut redivivum magni Kanuti spiritum fortunamque simul cum nominis videretur communiione sortitus, adeo ut nullus eum paterni regni successione potiturum ambigeret*») [14, s. 818] (*Здесь и далее перевод с латинского языка наш*. – С. Ч.). Своими подвигами на поле брани Кнут Святой как бы воспроизводит деяния предка, подражая которому в доблести, он обретает ореол идеального правителя, и, в конечном итоге, наследует престол [14, s. 830].

Перед нами очевидный пример того, как подражание Кнуту Могушему описывается в качестве средства десигнации. В приведенном отрывке семантическая напряженность элемента «магнус» заметна в наименьшей степени, он, кажется, однозначно выступает как приименный эпитет, тем более, что в «Деяниях датчан» он употребляется только один раз наряду с другими эпитетами, применяемыми к Кнуту Могушему Саксоном Грамматиком, который именует его *Kanutus Major* или *magnitudo* [5, с. 55, 110, прим. 81].

Тем не менее, другой фрагмент «Деяний датчан» дает основания считать, что граница между именем и приименным эпитетом не была четкой: «Итак, Кнут [Могуший], сделавшийся владельцем шести могущественных королевств, своим превосходным блеском осветил даже Римскую империю. Он выдал [свою] дочь Гунхильд замуж за ее [Римской империи – С. Ч.] государя Генриха, и ему же, свергнутому, возвратил былую судьбу, оказав поддержку и подавив заговор мятежников, вскоре после того как Италия [была объята] возмущением» («*igitur Kanutus, sex praepollentium regnorum possessor effectus, eximio sui fulgore etiam Romanum illustravit imperium. Enimvero eius principi Henrico filiam Gunnildam nuptum tradidit, eundemque, paulo post Italica consternatione perculsum, auxilio prosecutus, pristinae fortunae, pressa rebellium conspiratione, restituit*») [14, s. 748]; «Тем временем Цезарь получил от Гунхильд сына по имени Магнус, [великого] судьбой, от которого ведут свое происхождение предки светлейших [мужей] Гевтонских и великолепное украшение Германии» («*At Caesar ex Gunnilda filium aequ*

fortuna ac vocabulo Magnum suscepit, a quo illustrium Theutonicorum imagines splendidaque Germania lumina successionis serie pullulasse produntur») [14, 748-750].

Упомянутый автором «Деяний датчан» Магнус – Магнус Биллунг, герцог Саксонии (1072-1106). Настоящим дедом по матери Магнуса Саксонского был норвежский король Олав Святой. Его сын, Магнус Добрый, сосватал свою сестру за Ордульфа (1059-1072), сына Саксонского герцога Бернхарда II (1011-1059) [7, s. 136-137]. Родство с норвежскими королями объясняет появление на германской почве традиционного для Норвегии династического имени. Вопрос, однако, в том, как объяснить этот пример имянаречения, если признать, как этого требует нарратив, дедом Магнуса Кнута Могучего? Эта генеалогическая мистификация не является изобретением самого Саксона. Родство Магнуса Биллунга с Кнутом Могучим упоминается Гельмольдом из Босау (ок. 1172). Немецкий хронист сообщает, что славянский князь Готшалк (1043-1066) провел много лет на службе у Кнута Могучего и был удостоен руки датской принцессы, дочери короля: «...[Готшалк] удалился к королю данов Кнуту [Могучему] и пребывал у него многие дни и годы, создав славу своей доблести [благодаря] различным военным походам в Норманию и в Англию. За это он был почтен [браком с] дочерью короля» («...abiit ad regem Danorum Kanutum et mansit apud illum multis diebus sive annis, variis bellorum exercitiis in Normannia sive Anglia virtutis sibi gloriam consciscens. Unde etiam filia regis honoratus est») [9, s. 41]. Впоследствии Готшалк сумел утвердить свою власть над славянскими землями, но по прошествии некоторого времени погиб от рук восставших соплеменников. Сыновья князя были вынуждены искать пути к спасению. Младший из братьев, Генрих, рожденный дочерью Кнута, бежал в Данию, к родственникам матери: «Дочь короля данов из Мекленбурга, города ободритов, выставили нагую с остальными женщинами. Ее, как мы уже упоминали выше, государь Готшалк взял в жены; от нее [Готшалк] получил сына Генриха. От другой же [жены] был рожден Бутуй...» («Filia regis Danorum apud Mikilburg civitatem Obotritorum nuda dimissa est cum ceteris mulieribus. Hanc enim, ut supra diximus Godescalcus princeps habuit uxorem; a qua et filium suscepit Heiricum. Ex alia vero Butue natus fuit...»); «Из них младший, по имени Генрих, бежал к данам, поскольку происходил из королевского рода данов; однако старший, Бутуй, обратился к бардам, прося помощи у князей саксонских, которым его отец был всегда предан и оставался верен» («Quorum iunior Heinricus nomine profugit ad Danos, eo quod regia Danorum stirpe esset oriundus; at senior Butue declamavit ad Bardos, querens auxilium a Saxonum principibus, quibus pater ejus devotus semper et fidelis extiterat») [9, s. 46]; [9, s. 47]. Старший сын Готшалка, Бутуй, просил помощи у Магнуса Биллунга, «рожденного дочерью короля данов»: «По смерти Ордульфа власть унаследовал его сын, Магнус, рожденный от дочери короля данов...» («Defuncto Ordulfo successit in principatum filius ejus Magnus, natus de filia regis Danorum...») [9, s. 48]. Обращаясь к герцогу Саксонии, Бутуй напоминает о верной службе своего отца «прародителю» Магнуса: «Видя, что лишен власти, [Бутуй] бежал к герцогу Магнусу, который тогда обретался в Люнебурге и сказал ему: «Вашему высочеству известно, величайший из людей, как отец мой Готшалк к славе Господа и твоего прародителя всегда верно нес управление славянской провинцией, не упуская ничего, что по праву от них [т. е. славян – С. Ч.] причиталось почитанию Бога и верности князьям» («Videns autem se principatu extorrem confugit ad ducem Magnum, qui tunc forte Lunenburg degebat, et allocutus est eum: «Novit excellentia tua, virorum maxime, qualiter pater meus Godescalcus procurationem Slavicae provinciae ad honorem Dei et progenitoris tui fideliter semper intorserit, nichil pretermittens eorum quae ad cultum Dei et fidem principum iure pertinerint...») [9, s. 48].

Согласно внутренней логике текста Гельмольда, в данной ситуации так может именоваться только Кнут Могучий. Не имея возможности сослаться на кровное родство с герцогом, Бутуй находит иной способ продемонстрировать совокупность связей, существующих между ним и Магнусом. Кнут Могучий выступает средоточием этих связей, его появление в тексте воскрешает в памяти службу Готшалка в королевской дружине, брак князя с датской принцессой и происхождение самого герцога. В дальнейшем к помощи Магнуса прибегает и Генрих, которому герцог оказывает покровительство уже как родичу: «Обратился [Генрих] к герцогу Маг-

нусу, поскольку был его родичем, и возвеличен был им, и принес ему клятву верности и покорности» («Accesit etiam ad ducem Magnum, eo quod cognatus eius esset, et magnificatus est apud eum, fecitque ei iuramentum fidelitatis ac subiectionis») [9, s. 67]. Очевидно, по мысли Гельмольда, матери Магнуса и Генриха должны приходиться друг другу сестрами.

Хотя показания источников относительно родства Магнуса с Кнудом Могучим совпадают, нам в точности неизвестно, восходят ли сведения Саксона напрямую к рассказу немецкого хрониста [8, р. lxxiv]. Автор «Деяний датчан» считает отцом Магнуса Биллунга императора Генриха III (1046-1056). Гельмольд же совершенно верно называет Магнуса сыном герцога Саксонии Ордульфа. Перед нами два варианта реконструкции родословной саксонского герцога.

Представляется, что отправной точкой для обеих генеалогических реконструкций послужило то обстоятельство, что «литературный Магнус» назван в честь деда, Кнута Могучего. Если рассматривать приведенные сведения Саксона Грамматика и Гельмольда с этой точки зрения, то становится очевидно, что в «Деяниях датчан» приименный эпитет «магнус» в сочетании «Кнут Магнус» свободно переходит в личное имя потомка Кнута Могучего и что в «Славянской хронике», где Кнут Могучий не назван прямо Магнусом, это наименование за ним признается имплицитно (*В том, что этот эпитет свободно переходит в имя, нет ничего удивительного. Так, именование Карла Великого – Carolus Magnus – прочитывалось в средневековой Скандинавии и как сочетание двух личных имен, и как имя и прозвище. В данном случае нерасчлененность имени и прозвища, судя по всему, – отголосок архаической традиции: прозвище предка становилось личным именем ребенка, нареченный мог получить имя родича вместе с прозвищем. – С. Ч.*) [5, с. 76-77]. Таким образом, ко второй половине XII в., когда Гельмольд записал рассказ о Магнусе Биллунге, почерпнутый, по-видимому, от каких-то датских информантов, в Дании существовало представление, что элемент «магнус» (будь он именем или приименным эпитетом) чрезвычайно сильно связан с Кнудом Могучим, и что он свободно переходит в имя, когда речь идет о потомках Кнута. Как видно, для ряда датских и связанных с Данией источников характерна тенденция к стиранию грани между приименным эпитетом «магнус» и именем Магнус применительно к Кнуду Могучему. Подобное стирание границы, по всей видимости, намеренно и политически мотивированно. Оно создает основу для инверсии, которую мы наблюдали выше при анализе сообщений «Генеалогии датских королей» аббата Вильгельма и которая хорошо прослеживается здесь: Кнут Могучий становится первым Магнусом, причем не только для датской династической традиции, но и для всей Скандинавии.

Наконец, представления о связи имени Магнус с образом Кнута Могучего косвенно отражены в «Круге Земном» Снорри Стурлусона. Повествуя в «Саге о Магнусе Добром» о правлении этого короля в Дании, Снорри указывает, что Магнус подражает Кнуду Могучему, как бы примеряя на себя его личину, когда назначает Свена Эстридсена ярлом Дании: «И ныне я делаю его своим ярлом и передаю ему в руки для управления Датскую Державу на то время, пока я нахожусь в Норвегии, подобно тому, как Кнут Могучий поставил Ульва ярла, отца его, править Данией, когда Кнут был в Англии» («...nú mun ek gera hann jarl minn ok fá honum í hendr Danaveldi til yfirsóknar, meðan ek em í Noregi, svá sem Knútr hinn ríki setti Úlf jarl föður hans höfðingja yfir Danmörk, þá er Knútr var á Englandi») [4, с. 390-391]; [15, s. 18].

Здесь к образу Кнута Могучего апеллирует не кровный родственник, а иноземный правитель, получивший власть над его державой. Хотя в тексте Снорри Кнут не назван Магнусом, автор «Круга Земного» создавал данную сцену явно имея в виду прозрачность смысловой близости эпитетов *inn ríki* и *magnus* для аудитории: уподобление Магнуса Доброго Кнуду Могучему подкрепляется не только сходными биографическими ситуациями – правители владеют одними и теми же землями и назначают в качестве ярла Дании представителей одного рода – но и семантической напряженностью имени Магнус.

Образ Кнута Могучего и традиция двуименности

Итак, мы убедились в том, что имя Магнус теснейшим образом ассоциировалось с Кнудом Могучим. Существуют ли свидетельства того, что в рамках датской династической традиции

для установления символической связи между древним королем и его потомком использовалась двуименность, то есть сочетание родового имени Кнут и христианского Магнус? Отметим, что во всех рассмотренных выше случаях соотношение правителя с Кнутом Могучим осуществлялось либо за счет тождества родовых имен, либо за счет совпадения личного имени государя с приименным эпитетом Магнус. Известные науке указания на наличие в источниках искомого проявления двуименности ограничиваются упоминавшимся казусом Кнута – Магнуса Свенсена. С другой стороны, мы имеем еще одно подобное свидетельство, которое литература традиционно трактовала как ошибку переписчика [10, s. 441], совершенно не принимая во внимание широкого исторического контекста, стоящего за тематикой имянаречения в средневековой Скандинавии (*В Дании XI-XII вв. известно как минимум семь точно установленных случаев двуименности представителей правящего рода. – С. Ч.*) [5, с. 85, прим. 4]. Речь идет о фрагменте всемирной хроники англо-нормандского автора Радульфа Черного (ок. 1199), в которой один из претендентов на датский престол, герцог Кнут Лавард (1115-1131), назван Магнусом: «Сын же Николая, Магнус, убил Магнуса [т. е. Кнута Лаварда – С. Ч.], сына его дяди, Эрика» («*Filius autem Nicolai Magnus occidit Magnum, filium patris sui Erici*») [11, s. 87].

Кнут Лавард погиб в борьбе за власть и впоследствии был провозглашен святым. Смерть герцога стала катализатором гражданской войны, окончательную победу в которой одержал его сын, Вальдемар I (1157-1182) [16, s. 337-338]. Причиной междоусобной распри послужил конфликт принципов наследования. После правления Свена Эстридсена власть последовательно, но не без эксцессов (*Кнут Святой был убит в результате восстания, поднятого следующим за ним по старшинству братом Олавом. – С. Ч.*), переходила от одного сына Свена к другому. Последний из восседавших на престоле сыновей Свена Эстридсена – король Нильс (1104-1134) – планировал передать корону по наследству своему сыну, Магнусу Сильному (ум. 1134). Однако, отец Кнута Лаварда, Эрик Добрый (1095-1103), был правящим королем до Нильса, кроме того, прозвище Кнута, *lávardr*, в династическом употреблении, вероятно, являлось инструментом десигнации и означало «наследник власти», а титул герцог, первым носителем которого в Скандинавии стал Кнут, трактовался в династической иерархии как ступень, предшествующая достоинству короля [3, с. 70-72, 76-77]. Таким образом, Кнут Лавард был выделен в качестве наследника трона практически всеми возможными методами, что породило острое соперничество с Магнусом, сыном Нильса, обернувшееся смертью герцога.

Лапидарная фраза хроники Радульфа Черного «...Магнус убил Магнуса...», по нашему мнению, отражает сложившийся между сыном Нильса и Кнутом Лавардом «паритет», при котором оба кандидата обладали равными правами на престол. Из всех средств, задействованных для наделения Кнута Лаварда статусом наследника власти, Радульф отбирает только одно, отсутствующее в других источниках и вызывающее поэтому определенные сомнения, – династическое имя, введенное в употребление Свенном Эстридсеном. Мотивация сына Нильса никак не оговаривается, словно она уже имплицитно представлена в тексте. Вероятно, имеется в виду, что убитый, претендуя на полноту власти, являлся потенциальной угрозой для оппонента. Герцог назван Магнусом, поскольку само подобное именование компрометирует святого в глазах аудитории текста и, до некоторой степени, оправдывает действия убийцы. С этой трактовкой согласуется и основная тенденция датских сообщений Радульфа.

Источник, из которого англо-нормандский автор черпал сведения об истории Дании, был составлен в окружении епископа Вибергского Вальдемара (1187-1191), незаконнорожденного сына короля Кнута V Магнуса (1146-1157), некогда соправителя Вальдемара I. В 1192 г. прелат предпринял неудачную попытку захватить власть в королевстве [16, s. 361-363]. Тенденциозное прославление предков епископа, Кнута V и Нильса Свенсена, занимает в хронике Радульфа особое место [11, s. 86-87, 89]. Единственный из ближайших родственников прелата, в отношении которого данная тенденция нарушена, – Магнус, сын Нильса и отец Кнута V, упомянутый лишь в связи с совершенным им убийством. Сложно представить, чтобы автор явно тенденциозного источника не пытался бы сгладить углы в интересах своего патрона, описывая столь щекотливое в политическом отношении событие. Таким образом, можно полагать,

что строки «...Магнус убил Магнуса, сына его дяди, Эрика» были призваны затушевать преступление Магнуса Нильсена.

Данная интерпретация ставит перед нами несколько проблем. Во-первых, само именование Кнута Лаварда Магнусом не означает, что он уподоблен Кнуту Могучему. Такая связь между правителями не упоминается в тексте Радульфа и неизвестна по другим источникам. Во-вторых, приведенная интерпретация предполагает рассмотрение вопроса о самостоятельном функционировании имени Магнус в датском династическом именовании в качестве своеобразного «талисмана», гарантирующего носителю получение власти. Эта тема не может быть развита здесь подробно. Мы обращаемся к ней в той степени, в которой она позволяет оценить правдоподобность тезиса о наличии у Кнута Лаварда второго имени. Слабое место интерпретации заключается в том, что во времена Свена Эстридсена традиционное династическое имя Кнут еще не воспринималось христианским, а потому дополнялось крестильным (*Например, Кнут Могучий получил в крещении имя Ламберт. – С. Ч.*) [5, с. 110, прим. 81]. Однако, позднее благодаря мученичеству Кнута Святого его имя вошло в церковный календарь [5, с. 88, прим. 11], ставя тем самым под вопрос целесообразность двойного наречения Кнут – Магнус. Если Кнут Лавард, нареченный в честь святого, унаследовал от небесного патрона первое имя, к этому времени ставшее безусловно христианским, то откуда в таком случае могло возникнуть второе? Гипотетически, если в первой трети XII в. само имя Магнус на датской почве еще сохраняло политико-прогностическую функцию, заложенную Свеном Эстридсеном, то в условиях династической борьбы герцог мог принять это имя самостоятельно, заявляя таким образом о своих притязаниях. Мог ли предполагаемый факт двуименности Кнута Лаварда в последующем историописании трансформироваться в представления о связи двойного именовании Кнут-Магнус с уподоблением Кнуту Могучему?

По-видимому, некоторые намеки в этом направлении можно обнаружить в «Деяниях датчан». Переходя к рассказу о Кнуте Лаварде, Саксон Грамматик прежде всего сообщает об ущербности будущего оппонента герцога, обделенного удачей: «Магнус, возвысившийся скорее благодаря счастливому развитию [своих] природных задатков, чем [благосклонности] судьбы, совершил отвратительнейшее преступление – убийство родича, а также явил известнейший пример вероломства» («Magnus vero, felicioribus naturae quam fortunae incrementis evectus, taeterrimum consanguineae caedis piaculum edidit atque notissimum perfidiae exemplum evasit») [14, s. 898].

Слово «*fortuna*» появляется в повествовании о Кнуте Лаварде снова. Когда Нильс, подавшись наущениям врагов герцога, обвинил того в узурпации королевского титула, Кнут опроверг все обвинения, завершив свою речь следующим обращением к королю: «Долго владей властью, унаследованной от отца, и счастливо пользуйся титулом и королевскими инсигниями! Наследника, которого тебе дала природа, пусть одарит судьба!» («Diu paternum hoc imperium gere feliciterque et nominis et regni insignibus utere! Heredem tibi, quem natura dedit, fortuna conciliet!») [14, s. 930]. Однако, «*fortuna*», как мы видели, – это как раз то качество, в котором автор «Деяний датчан» отказывает сыну Нильса. Напротив, Кнут Лавард внушает сторонникам Магнуса опасения именно своей небывалой удачей: «Однако большей части связанных с Магнусом родством или дружбой была ненавистна удачливость Кнута» («Verum plerisque Magnus sanguine vel necessitudine contingentibus Kanuti invisita felicitas erat») [14, s. 922] («*felicitas*» в данном случае выступает синонимом «*fortuna*»).

По их словам, если вопрос о престолонаследии будет рассматриваться на тинге, это свойство Кнута должно каким-то образом гарантировать ему победу на выборах, выделяя герцога среди всех прочих кандидатов: «...Генрих... подошел к королю, [воспользовавшись] отсутствием [его] близких, говоря, что [Кнут Лавард] движим стремлением к высшей власти в королевстве, а потому будущее прав Магнуса на королевское достоинство [останется] неясным, если [Магнус] будет иметь с [Кнудом] спор о власти перед народным судом; ибо голосование простонародной толпы предпочтет Кнута [всем] прочим знатым. Вот почему, отец, если желает позаботиться о делах [своего] сына, должен скорее полагаться на право наследования, чем на чужое мнение, и освободить назначенное наследнику место от соперника. Таким образом,

если бы [король] стремился предупредить внушающую подозрения удачу Кнута ударом меча, он поступил бы разумно» («...Henricus...familiaribus regem minis aggreditur, summa illum regni affectatione teneri inquires incertamque Magno regni petitionem futuram, si populo iudice de summa secum foret controversiam habiturus; quippe Kanutum ceterae nobilium turbae popularium suffragiis praeferendum. Quamobrem debere patrem successionis ius proprio potius quam alieno mandare iudicio destinatumque heredi locum aemulo vacuefacere, dum filii rebus consultum esse velit. Itaque sapere eum, si suspectam Kanuti fortunam ferro praecurrere studeat») [14, s. 930-932]. И окончание оправдательной речи, и приведенные Саксоном рассуждения врагов Кнута Лаварда показывают, что в восприятии автора «Деяний датчан» *«fortuna»* является необходимым для наследования власти качеством, при этом из характеристики Магнуса, данной ему в самом начале тринадцатой книги, совершенно ясно следует, что указанным качеством он не обладает.

В свете сказанного выше примечательна взаимосвязь важного для Саксона концепта «судьба» и личного имени Магнус: «Тем временем Цезарь получил от Гунхильд сына по имени Магнус, [великого] судьбой...» («At Caesar ex Gunnilda filium aequae fortuna ac vocabulo Magnum suscepit, a quo illustrium Theutonicorum imagines splendidaque Germaniae lumina successionis serie pullulasse produntur») [14, s. 748-750]; «[Кнут Святой] казался воскресшей душой и судьбой Великого Кнута [т. е. Кнута Могучего – С. Ч.], обладая в то же время общим [с ним] именем; так, никто не сомневался, что он получит власть над королевством отца по наследству» («...famaque eius bellica in tantum claritatis excessit, ut redivivum magni Kanuti spiritum fortunamque simul cum nominis videretur communiione sortitus, adeo ut nullus eum paterni regni successionem potiturum ambigeret») [14, s. 818]. Во всех приведенных фрагментах вместе с именем предка, мнимого или настоящего, потомку достается и его «судьба/удача», обладание которой подтверждает принадлежность к роду. Кнут Могучий передает это качество вместе со своим прозвищем Магнусу Биллунгу, имя которого, как следует из текста, будто бы созвучно самому слову *«fortuna»*. Далее судьбу Кнута Могучего наследует его двоюродный внук, Кнут Святой, причем сходство между соименниками в тексте выступает основанием власти «младшего» короля. Поскольку «старший» правитель фигурирует в сообщении как *Kanutus Magnus*, а казус саксонского герцога показывает, что между именем и прозвищем нет непроницаемой границы, нареченный в честь древнего государя Кнут Святой в пространстве нарратива мог получить от него в наследство не только «судьбу», но и второе имя, став таким образом, так сказать, полным тезкой своего пращура. Здесь перед нами проступают очертания вполне определенного механизма десигнации, который в представлении Саксона Грамматика ставит святого короля Дании в один ряд с названным в память о нем Кнутом Лавардом [5, с. 88, прим. 11], наделяя обоих именем Магнус. Сходство Кнута Святого с предком и *«fortuna»* датского герцога выполняют в повествовании одну и ту же функцию – дают исключительное право на власть. По всей видимости, автор «Деяний датчан» полагал, что Кнут Святой, «унаследовавший» второе имя от двоюродного деда, «передал» его Кнуту Лаварду.

Итак, именование Кнута Лаварда Магнусом, по нашему мнению, представлено в тексте Саксона Грамматика иносказательно, через обращение к личному качеству династа – *«fortuna»*, которое приписывается обладателям имени Магнус. Это, конечно, не означает, что всякое употребление Саксоном данного термина следует понимать подобным образом [13, s. 98-99]; [12, s. 113-125]. Однако, применительно к повествованию «Деяний датчан» о Кнute Лаварде такая «дешифровка» представляется обоснованной. Саксон умалчивает о втором имени герцога ровно по той же причине, по которой автор датского источника хроники Радольфа Черного это имя упоминает, – оно свидетельствует об особом статусе нареченного, о статусе полноправного претендента на власть. Показательно, что рассуждения врагов Кнута Лаварда касательно влияния его «судьбы» на решение тинга помещены в тексте сразу после упомянутой выше оправдательной речи, в которой, между прочим, дается намек на еще одно средство десигнации, использовавшееся герцогом, на примененный эпитет *«lavarðr»*, переданный Саксоном латинским *«erus/herus»* [3, с. 63-70].

Заключение

Доподлинно неизвестно, существовала ли рассматриваемая традиция двойного наречения, и, в каком виде она бытовала. Однако, несомненно, что 1) в Дании конца XII в. имя Магнус могло восприниматься как второе имя Кнута Могучего; 2) воображение Саксона Грамматика могло «наградить» этим именем потомка государя Дании, Англии и Норвегии; 3) Кнут Лавард назван в одном из источников Магнусом. Дальнейшее исследование этого вопроса нельзя представить без обращения к самостоятельному функционированию имени Магнус в датском династическом обиходе, прежде всего к казусам Свена – Магнуса Эстридсена и Магнуса Нильсена Сильного. Только в этом случае будет возможно оценить правдоподобность гипотезы о самоличном принятии Кнутом Лавардом данного второго имени и выяснить, апеллировал ли датский герцог к некой древней традиции, увязывавшей законность власти государя с подражанием Кнуту Могучему. При этом вполне очевидно, что последний был далеко не единственным древним правителем, образ которого датские короли использовали для легитимации власти. Один и тот же правитель мог представлять перед читателем как воплощение нескольких своих предков-соименников, в зависимости от условий склоняясь к тому или иному варианту [6, с. 30-47]. Таким образом, вполне вероятно, что сочетание имен Кнут и Магнус вместе с уподоблением правителя Кнуту Могучему не являлось самодовлеющим, приоритетным инструментом десигнации.

Библиография

1. Бойцов М. А. Что такое потестарная имагология // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии / Отв. ред. М. А. Бойцов, Ф. Б. Успенский. Спб., 2010. С. 5-37.
2. Джаксон Т. Н. Карл Великий, Магнус Добрый и Сверрир Магнус: К вопросу о происхождении и семантике скандинавского имени Магнус // Карл Великий: реалии и мифы. М., 2001. С. 144-156.
3. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Кнут Лавард, принц датский // Именослов. История языка. История культуры (Труды Центра славяно-германских исследований. Вып. II) / Отв. ред. Ф. Б. Успенский. М., 2012. С. 55-80.
4. Снорри Стурлусон. Круг Земной / Изд. подгот.: А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М. 1990.
5. Успенский Ф. Б. Имя и власть: выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. М.: Языки русской культуры, 2001.
6. Честа С. О. Сопоставление правителей-соименников в памятниках датского историописания конца XII в. как средство легитимации власти // Средние века. М., 2021. Вып. 82(3). С. 30-47.
7. Adam Bremensis. Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum / Ed. B. Shmeidler, editio tertia. Hannover; Leipzig, 1917.
8. Friis-Jensen K. Introduction // Saxo Grammaticus. The History of the Danes / Ed. K. Friis-Jensen, trans. P. Fisher. Oxford: Clarendon Press, 2015. Vol I. S. xviii-lxxxvii.
9. Helmoldi Presbyteri Bozoviensis Cronica Slavorum / Red. J. M. Lappenberg, B. Schmeidler. Hannover, 1937.
10. Kristensen A. K. G. Knud Magnussens krønike // [Dansk] Historisk Tidsskrift. 1969. Vol. 12, № 3. S. 431-452.
11. Radulfi Nigri Chronica / Red. R. Anstruther. London, 1851.
12. Riis T. Einführung in die Gesta Danorum des Saxo Grammaticus. Odense, 2006. 202 s.
13. Riis T. Saxo und die offizielle Königsideologie. // Saxo and the Baltic Region. A Symposium. / Ed. T. Nyberg. Odense. 2004. S. 93-104.
14. Saxo Grammaticus. Gesta Danorum. The History of the Danes / Ed. K. Friis-Jensen, trans. P. Fisher. Oxford: Clarendon Press, 2015. Vol I-II.

15. Snorri Sturluson. Heimskringla eða Sögur Noregs konunga / N. Linder og H. A. Haggson. Akademiska Boktryckeriet. Uppsala, 1872. Bnd. III.

16. Tiden indtil 1340 // Danmarks historie / Udg. af I. Skovgaard-Petersen, A. E. Christensen, H. Paludan. København: Gyldendal, 1978. Bd. 1.

17. Wilhelmi abbatis Genealogia Regum Danorum // Scriptores minores Historiae Danicae medii aevi. København, 1970. Vol. I. S. 176-185.

THE DOUBLE NAMING KNUT – MAGNUS IN THE DANISH DYNASTIC TRADITION

Chesta S.O.

Lomonosov Moscow State University

Abstract

The article analyzes one of the aspects of the name-giving tradition in medieval Scandinavia, namely, the special function of two names in the Danish dynastic tradition: the ability of the owner of the generic name Knut and the Christian name Magnus to appeal to the image of an ancient ancestor, Cnut the Great (1015-1035), which referred to by sources of the XII-XIII centuries as Kanutus Magnus. The material that was not previously taken into consideration of this problem is given: the fragment of the world chronicle of Ralph the Black (ca.1199), in which the Danish duke, Canute Lavard (1115-1131), is named Magnus and which can be interpreted as the important proof of the existence of the mentioned name-giving practice. Textual analysis has shown a close connection of the name Magnus with the image of Cnut the Great in the view of the authors of the XII-XIII centuries, which allowed us to put forward a hypothesis about the implicit reflection of this type of name-giving in Saxo Grammaticus' "Deeds of the Danes" (ca. 1208/1216). It is shown that in Denmark at the end of the XII century name Magnus could be perceived as the second name of Cnut the Great, and the imagination of Saxo Grammaticus could endow this name with the descendants of this king.

Keywords

Cnut the Great, Canute Lavard, name-giving, legitimation of power, Saxo Grammaticus, Deeds of the Danes, medieval Denmark